

Яма **ы**
Уланов Егор

6+

Егор Уланов

Яма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66184812

SelfPub; 2021

Аннотация

Перед вами рассказ о провинциальной улице и её обитателях, самым примечательным из которых является огромный дорожный провал. Что же всё-таки есть яма? Следствие халатности и кошмар урбаниста или естественное явление мира?

Егор Уланов

Яма

Посредине улицы с названием Крайняя была большая и глубокая яма. Никто уже не помнил, как она родилась, и что послужило причиной её рождения; все местные воспринимали её как факт. Яма была широка в плечах, словно упавший титан, и могла вместить в себе целый легковой автомобиль. Края у неё были острые, а дно не ровное, уходящее прямо до рыхлой почвы.

Утро начиналось с упоительного роптания старика Васильева, дом которого находился прямо перед ней. Хозяин возмущался глупостью дорожных рабочих и жадностью чиновников, указывая на дорожный провал. Яма тем временем с радостью смотрела на солнце, и то, в свою очередь, как будто тоже с радостью, отвечало яме, говоря, что, мол, даже и на солнце кто-то сегодня ругается, и что ей не следует брать слова старика на свой счёт. Вообще, яма не обижалась на Васильева. Она была не обидчивая.

Не обижалась яма и на семью Потаповых: отца, мать и трёх ребятишек. По утрам они садились в свой джип и по долгу выезжали со двора, стараясь объехать яму. Они не здоровались, ворочали нос от своей нежеланной соседки, в то время как сама яма всячески стремилась засвидетельствовать Потаповым своё почтение, потрянув джип хотя бы ост-

рым краем асфальта.

Улица Крайняя уходила вдаль, на ней стояло много одноэтажных домов, а вдали виднелся перекресток и разъезд на другие улицы, которым и пользовались все жильцы. Так как дорога была узкой, никто не мог объехать яму, и всем приходилось хоть двумя колёсами, но проезжать по ней. Поэтому на Крайнюю редко заезжали посторонние.

Весной и осенью яму наполняла вода, и в неё попадались не местные, которые не знали о настоящей её глубине. Зимой в яме намерзал снег и можно было худо-бедно проехать. Но каждый в окрестностях хулил бедное создание и винил его чуть-ли не во всех бедах своих.

Как-то раз местный пьяница Герасим шёл с очередного разгула и ввиду своего нетрезвого состояния со всего размаху угодил прямо в яму. Покрыв её отборным ругательством, он ещё долго лежал без движения. Потом тщательно двигал рукой, пытаясь встать, и неожиданно нащупал бумажку, которая оказалась тысячей рублей, принесенной откуда-то попутным ветром.

Герасим поблагодарил яму, отряхнулся, вылез из неё, и пошёл продолжать кутёж. А яма осталась на месте, довольная собой. Долго ещё она вспоминала благодарственную речь пьяницы. И денег ей было совсем не жаль. Она была щедрая.

Этому, на первый взгляд, грубому созданию – дорожному безобразию – как его называли местные, нравилась жизнь.

Яма любила весну: когда вокруг пахло черёмухой, летали бабочки и жуки. Она с умилением наблюдала за трудолюбивыми муравьями, обустроившими свой дом на обочине дороги. Её радовал тёплый дождик, наполнявший свойственную всем ямам пустоту. И уж тем более ей нравились люди.

Как только ей попадался какой-нибудь странник на дороге, она тут же хватала колесо или даже борт машины и принималась крепко обнимать его, словно старого приятеля. Случалось и так, что кто-то, например, после дождя, угождал в яму целиком, и уже не мог самостоятельно выбраться. Тогда вызывали эвакуатор. А это было уже целым событием в жизни ямы. Она болтала без устали, расспрашивала всех о жизни, делах, и о том мире, что скрывается за перекрестком.

Бывало, мимо неё, в объезд по улице, проносился свадебный кортеж, тогда яма и вовсе не выдерживала и желала новобрачным счастья, любви и долгих лет. Потом долго смотрела на небо, стараясь не заплакать от радости за молодожёнов.

Иногда, конечно, яма недоумевала: «Почему люди так не любят и сторонятся меня?». Но потом успокаивалась, думая, что если бы и вправду не любили, то давно бы заделали. Тут ей приходила уже светлая, наполняющая желанием жить, мысль. Что она, яма, нужна людям, чтобы они стали добрее друг к другу, чтобы пороптав на неё, на рабочих и чиновников, каждый отвёл душу в стенаниях: потерял желание ссориться с ближними, обрёл смирение и любовь. Это наполняло мир смыслом. Ведь даже у ямы была высшая цель.

Потому-то она легко сносила все укоры в свой адрес и только любовалась миром, не обращая внимания на зло.

Однажды на Крайней даже снимали сюжет для новостей, предметом которого как раз и была наша героиня. Жители улицы поочередно давали интервью на фоне ямы, говоря про неё различные гадости. А та, тем временем, улыбалась во всю свою широкую улыбку и радовалась, что о ней скоро узнает весь огромный мир.

Сюжет вышел. Вся улица неустанно обсуждала, а яма с жадностью хватала сыплющиеся ото всюду подробности репортажа, ведь своего телевизора у неё не было. Ей нравилось, что журналисты называли её огромной – это придавало какую-то особую значимость, некий статус. Казалось, что она теперь важнее старика Васильева, семьи Потаповых, да и всех остальных жителей Крайней.

«Что же сейчас начнётся? – Думала яма, – может, со всех сторон налетят зеваки? А может чиновники приедут гурьбой, будут стоять надо мной, чесать затылки и думать, как бы со мной совладать?».

Но ничего не произошло. Никто не приехал. Улица так и жила. Сначала все её обитатели, включая яму, надеялись на что-то, потом грустили, а затем и вовсе забыли о злощастном сюжете. Словно миг пролетели два года. Приходила осень и наполняла яму желтыми листьями. Приходила зима, закидывала яму снегом. Весна топила снег, обращая его водой. А лето сушило воду.

И вот, одной золотой осенью, липы охапками меди плевались в ещё тёплый, знойный воздух. Огородники убирали участки, думая о том, как бы поскорее разделаться с этой злосчастной картошкой. Жильцы квартир с тоской глядели из окон на улицу, чувствуя острую потребность иметь свой участок земли, чтобы высаживать на нём эту самую картошку. А яма беззаботно наблюдала за облаками, видя в проплывающем сгустке пара толи дракона, толи изогнутый гвоздь.

По всей улице висели синие плакаты с одним и тем же лицом. Ветер трепал их, словно стремился сорвать. Тёплая свежесть последних солнечных дней струилась меж деревянных столбов электропередач. По крышам одноэтажных домов скользили розовые лучи. Яме нравилось это провинциальное спокойствие. Нравилась свежесть. И вечер разжигал в небе яркий закат. Но неожиданно на улицу въехала странная машина, из которой вышли несколько человек в одинаковых футболках и начали скандировать.

Яма пребывала в недоумении: было как-то жаль, что столь прелестный вечер был испорчен какими-то грубиянами. Самый главный из них, кстати, достал громкоговоритель и с его помощью распространил своё шепелявое бормотание на всю улицу.

Начали открываться калитки, из дворов показались все жильцы Крайней.

– Чего орёте! – недовольным тоном поинтересовался старик Васильев.

– Так ведь выборы скоро, товарищи... – отвечал с натужной искренностью мужчина с громкоговорителем. – Наш депутат позаботится о вас. Он за народ! Он человек дела! Скажите, что нужно: всё будет!

И ещё долго в громкоговоритель сыпались неуклюжие речи о демократии и всеобщем счастье. Трое остальных тем временем раздавали значки, ручки, календари и другие полезные предметы. Половина соседей уже собиралась расходиться; другая с интересом бранила шепелявого оратора за родильные дома, детские сады, школы, поликлиники, загсы и кладбища. Яма спрашивала о конкретных предложениях и инициативах кандидата в депутаты, однако её почему-то игнорировали.

– Ты нам того, этого, давай! – закричал из толпы Герасим, тряся чёрным, как у трубочиста кулаком.

– Всё... дадим, товарищи! Ей богу! Всё будет! Так ведь... скажите... мы всё...

– Ага, знаем мы!

И поднялся базарный гул, в котором каждый говорит больше с собой, чем с окружающими. Яма же тем временем удивлялась, что все жильцы собрались в одном месте, такого она на своей памяти не ведала. Ей всегда казалось, что они как-то не слишком любят друг друга. А теперь вот все стояли единым фронтом против первый раз в жизни захавших на Крайнюю агитаторов.

Неожиданно с перекрестка выехала чёрная машина. Она

скользнула по Крайней и, подъехав к толпе, извергнула тучного мужчину в синей рубашке похожей на облако. С ним вышли два охранника и женщина в деловом костюме.

– Ну, что, граждане! Решил я к вам заехать, – заявил тучный мужчина, подавая руку главе семейства Потаповых, который сначала растерялся, и только спустя несколько времени сообразил чего от него хотят, подав руку в ответ. Тем временем женщина в деловом костюме уже фотографировала рукопожатие.

– Я кандидат. Говорите какие проблемы, всё решим.

Жители отчего-то растерялись, и повисла тишина. Они окружили нового оратора, но никто не говорил ни слова.

– Ну, может быть... – послышалось робкое предложение.

Яме было не разобраться, теперь все стояли поодаль, а рядом с ней остался только агитатор с рупором, который неловко переступал с ноги на ногу.

«Да, да, точно! Нам нужно!» – раздались возгласы согласия.

– Я вас понял, – самодовольно отозвался голос депутата. – Сделаем! Я слово своё держу.

Яма крутилась, ёжилась и вытягивалась, пытаюсь усвоить, что же там говорят. К ней подошла женщина в деловом костюме и зачем-то сфотографировала её.

Потом было быстрое групповое фото. А после блестящая машина стремительно скрылась за поворотом перекрестка. Жители странно переглянулись и пошли по домам. Сажная

тьма обрызгала небо и наступила ночь. Пахло дымом. Уже начинали топить.

Из окон бил электрический свет, выходя на дорогу и касаясь ямы, он растворялся. В домах ужинали: каждая семья обсуждала прошедшее собрание. Все сходились на том, что обещания депутата не стоят и печной золы. Яма разглядывала звёзды. До неё доносились пересуды стариков Васильевых, и она ухмылялась их старческой глупости. На черёмуху перед домом уселся воробей, поздоровавшись с ямой, он начал негромко чирикать. Где-то ворчал сверчок.

С утра по асфальту застучали грубые колёса грузовой машины. Стук разбудил яму, которая второпях попыталась принарядиться для неожиданных гостей. Приехали рабочие в оранжевых жилетах. Машина остановилась прямо над ямой. Та в свою очередь непонимающе осмотрелась по сторонам. Тем временем из домов начали выглядывать сонные жильцы. А кто-то из них даже выбежал на улицу.

Рабочие тем временем взяли в руки свои ужасные лопаты. С безразличными лицами разогрели асфальт. И начали кидать раскалённые камни прямо в сердце ямы. Лопаты двигались монотонно, походя на руки покойников, глядящие свои надгробья в вальпургиеву ночь.

Яма кричала, звала на помощь, извивалась. А жильцы окрестных домов смотрели на это с какою-то неизъяснимой радостью. Даже пьяница Герасим криво улыбался, хотя яма, быть может, единственное существо, которое во всю жизнь

сделало ему добро.

Дело было кончено. На месте ямы теперь красовался неровный чёрный бугор. А сама она задохнулась под толстым слоем горячего асфальта. Рабочие выкурили по сигарете, скидали лопаты в кузов машины и уехали. Через час приехала женщина в деловом костюме – сфотографировать результат.

На выборах в том году вся Крайняя улица и прилежащие к ней районы проголосовали за депутата, который по рассказам заделал самую старую и большую яму. История об этом невероятном явлении ещё долго рассказывалась по всему городу, меняясь в зависимости от рассказчика. Теперь старик Васильев выходил из своего двора и с какой-то тайной надеждой смотрел на неровный бугор посередине дороги. А уж семья Потаповых не петляла больше, а выезжала на улицу спокойно и уверенно. По Крайней даже стали ездить жильцы соседних районов, чего не было с незапамятных времен.

В таком благоденствии закончилась осень. Настала зима. Местные всё никак не могли надивиться новой дороге. Но к концу холодов всё-таки забыли о яме навсегда. И уже началась оттепель, растапливающая серый снег; и на деревьях появились почки. Как вдруг неровный холм асфальта неожиданно потрескался и из-под него, словно подснежник, показалась всё та же прежняя яма. Через пару недель весь асфальт выкрошился, и мученица вновь взглянула на синее небо. Снова по улице Крайняя перестали ездить машины.

Снова роптали жильцы. А она так и продолжала тихо лежать посреди дороги и внимательно созерцать мир.

– Ну и ну, – возмутился старик Васильев, не находя слов.

– Опять выехать не возможно... – констатировал Потапов.

– Это х... – смеялся Герасим.

«Как же хорошо жить... – думала про себя яма, – ещё пару лет можно не беспокоиться. А там уже следующие выборы. Ну ничего, и их переживём».